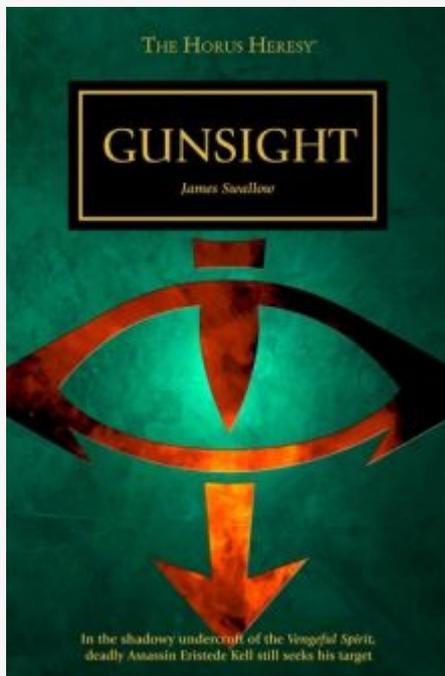

Прицел / Gunsight (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Прицел / *Gunsight* (рассказ)

Автор	Джеймс Сваллоу / James Swallow
Переводчик	Str0chan
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора / Horus Heresy (серия)
Входит в сборник	Нет войне конца / War Without End
Год издания	2015
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Сюжетные связи

Предыдущая книга [Немезида / Nemesis](#)

Готовность – вот твоё жизненное кредо. Всегда будь готов действовать мгновенно, всегда оставайся на расстоянии руки от своего оружия. Всегда будь настороже и совершай убийство, если представится возможность – но только если ты уверен в успехе. У тебя будет всего один миг, чтобы принять решение.

Не ошибись.

Пистолет, сжатый в грубой, покрытой шрамами ладони, был куда тяжелее, чем помнилось ему. Странное дело, если подумать. Он прекрасно, до мельчайших деталей, знал это угловатое, ничем не украшенное оружие. Мог с точностью определить, сколько зарядов в пистолете, просто взвесив его в руке. Их было шесть – пять в магазине, один в патроннике – а должно быть только пять, как учили инструкторы, заставляя вы зубрить правило наизусть. Лишний заряд нарушает баланс оружия, приводит к ненужному износу механизма. Они сказали бы, что нет смысла стрелять больше пяти раз. Кому не хватит одной пули?

Но эти учителя давно покинули зоны военных действий и забыли, что единственный лишний патрон может решить вопрос жизни и сме...

Он снова *уплывал* – мысли возвращались к старым воспоминаниям и обыденным мелочам. Подобное происходило слишком часто. *Встряхнуться*. Он постарался остаться «здесь и сейчас», сохранить концентрацию.

Итак, оружие. И цель, на которую оно наведено.

Человечек на неровном шероховатом настиле, вжавшийся в дальний угол укрытия так сильно, как только возможно. Уперся ладонями с длинными, бледными пальцами в стены из железных пластин, согнув колени и съёжившись на полу из обрезков металла. Голова человечка трясется, по испачканному лицу катятся слёзы.

Слово.

— Пожалуйста...

Затем другие.

— Почему сейчас? Почему ты хочешь убить меня после всего этого? Я думал, что мы... Ты и я нашли...

— Понимание? — он подхватил концовку фразы на лету – *или голоса прошептали, что нужно сказать?*

— Думал, ты знаешь меня? — собственный голос казался ему грубым и чуждым, звучал, будто давно не использовавшийся механизм. — Ты меня не знаешь.

— Мы помогали друг другу выжить! — закричал человечек, найдя силы для чего-то, близкого к вызову.

«Что это значит?»

Слова, кажется, существовали сами по себе. Свободная рука, покрытая сетью пустотных ожогов, поднялась и провела по его лицу, путаясь в сальной бороде и нечёсанных волосах.

Всё так непросто. Вещи, известные ему лучше всего – как нажать на спусковой крючок, убить быстро и чисто, – давили на сознание, заставляя выстрелить. Под рукой не было календаря, чтобы определить,

как давно он в последний раз забирал жизнь.

Он хотел сделать это, хотел услышать грохот выстрела и приятную тишину, возникающую следом. Не только потому, что иначе боялся забыть их вкус, но и по необходимости. Именно так должен был начаться путь к последнему убийству – величайшему убийству, заданию, не забытому им.

Увидев мысленным взором очертания грядущего свершения, он не удержался от взгляда через плечо на дальнюю стену укрытия. Туда, где ждало его освобождение, завернутое в промасленные тряпки и укутанное во тьму.

Итак, он прицелился, отодвигая в сторону кусочки расколотой памяти, что пытались сцепиться друг с другом в его разуме.

Каковы орудия нашего ремесла? Винтовка. Пистолет. Маска. Комбинезон. Плащ. Что не попало в список? Что ты создашь из самого окружения своей цели? Какое средство убийства всегда одинаково и при этом всегда уникально? Укрытие. Планируй сколько угодно, но ты никогда не сможешь по-настоящему выбрать позицию для стрельбы до того, как окажешься на месте и создашь её. Укрытие может быть мимолетным, словно туман, или незыблемым, подобно камню, но, если оно подведет, то обернется твоим надгробием.

Остатки лекарского набора он потратил на обработку змеиных укусов и на то, чтобы привести себя в состояние, отдаленно напоминающее стабильное. Слишком многое было потеряно в короткой, жестокой схватке с мерзкими трюмными хищниками, включая поясные сумки с хронометром и инфопланшетом, патронташ с зарядами к основному оружию, модуль очистки жидкостей и, самое скверное, все до последнего пакеты сублимированного пайка.

В железном ущелье, где он оказался, ничто не имело привычных человеческих размеров, не было ничего, что можно обследовать – ни намек на жилые кварталы или бараки, где, вероятно, удалось бы украсть что-нибудь для пропитания. На поверхности планеты есть возможность накопать корней или отыскать реку, но здесь, в бескрайних металлических просторах колоссального звездолёта, не приходилось рассчитывать на дары природы.

Возможно, только на первый взгляд.

Отслеживая смену корабельных дней и ночей лишь по собственным прикидкам, он пустился в странствие по трюмам и, двигаясь в рваном ритме, со временем оставил место своего проникновения на борт далеко позади.

После атаки змей он ненадолго возвращался к точке входа, но обнаружил, что спасательная капсула скрылась под студенистой массой металлизированной биопены, которую выпустили автореактивные системы корабля, заделав пробоину в корпусе. Не собираясь проверять, отправят или нет сервиторов на исследование зоны попадания, потерпевший крушение отправился в противоположном направлении и брел несколько часов. Механические, однообразные движения помогли успокоить разум и немного справиться с ошеломляюще ярким бредом, вызванным отравлением. Лишь много позже он начал думать о тех картинах, как о «видениях».

Но, оказавшись у железной расселины, которую невозможно было пересечь, он – хоть и не признавался

себе в этом – ощутил отталкивающий страх, увидев на другой стороне чёрной бездны то, что полностью соответствовало призрачным образам в его снах.

Он стоял на узком, не имевшем поручней служебном мостике, уходящем в бесконечность вдоль края металлического утёса. Само ущелье, возможно, простиралось по всей длине корабля – длинная, полная отголосков впадина, погребенная в нутре гигантского звездолёта. Уходя к носу и корме, провал скрывался в оранжевом свете работающих машин и клубах дыма от сжигаемого топлива. Посмотрев вверх и вниз, он увидел только непроглядную тьму, и, отхаркнувшись, сплюнул мокроту в бездну. Раздавалось мелодичное бряцание металлических канатов, проброшенных вдоль грандиозного разлома, ниже уровня мостика – по ним проносились в обе стороны сцепки грузовых контейнеров, и вверх ползли завитки густого химического тумана, который источала ледяная суспензия охладителя, предназначенного для массивных реакторных ядер размером с город. На голых железных скалах выступали огромные пятна, сначала принятые им за выцветшие или проржавевшие участки, но, стоило присмотреться, как они сложились в странные, отвратительно знакомые узоры.

Наконец, он с нежностью любовника разоблачил винтовку и приник к небольшому смотроскопу, скрадывающему расстояние.

Его руки слегка подрагивали, пока лазерные дальномеры обшаривали платформы, выступающие из стен по обеим сторонам ущелья. Каждая площадка, собранная из разнообразных листов металла, не уступала по величине жилому блоку улья. Изредка попадались мосты, пересекающие каньон от края до края, но ближайший из них располагался несколькими сотнями метров выше и плавно переходил в железную скалу. Без костюма-«ползуна» или магнитных ботинок туда никак было не добраться.

Часть его хотела отложить винтовку и больше не смотреть вдаль. Всё из-за последствий яда в крови, картин, что предстали перед ним в бреду, странных обрывочных сцен, которые, казалось, были всего лишь порождениями временной лихорадки. Но теперь он видел их перед собой в реальности.

Провал. Железные стены. Мосты и...

Бредовый страх вернулся вновь, когда прицел остановился на террасе – настоящей, словно сама смерть, на дальней стороне ущелья, в 1.533 километра от него по расчетам немигающего глаза-дальномера. Изукрашенная, покрытая латуню смотровая площадка, с которой командир корабля может быстро окинуть взглядом нижние палубы.

В промелькнувших отравленных грёзах он видел себя стоящим на этой террасе. На него, окруженного вихрем нереальных образов, упала громадная тень, и, обернувшись, он увидел величавый тёмный силуэт – бога войны, откованного из адамантия и чёрного золота. Величественное и пагубное создание.

Гор. Он стоял там. Он встанет там.

Руки дрожали так сильно, что драгоценная, драгоценнейшая винтовка едва не выскользнула из них. Пронзенный ярким мысленным образом её падения во тьму, он, почти запаниковав, отшатнулся и прижал оружие к груди.

Именно в эту секунду потерпевший крушение впервые поверил, что кошмары, вызванные змеиным ядом, могли быть чем-то совсем иным. Но, впрочем, лишь на кратчайшее мгновение – мысль, скользнув по глади сознания, вновь ушла в глубину.

Следом за ней явилась жажда сделать что-то, почувствовать, что его действия имеют значение. Возможно, если бы он остановился и спросил себя, почему так происходит, последующие события пошли

бы по иному пути. Но он этого не сделал.

Неподалеку на служебном мостике обнаружился каркас некой наблюдательной вышки – только основание, торчащее над бездной, обрывающееся пролетами балочных ферм, похожих на сломанные зубы, и кое-как приваренных к ним панелей. Вероятно, недоделка какого-то давным-давно умершего рабочего-кораблестроителя, или жертва очередного пересмотра чертежей боевого корабля – столетия назад, когда ещё закладывался его киль... Значение имело лишь то, что теперь он мог превратить остов вышки в укрытие, залечь там и смотреть на далекую латунную террасу.

На протяжении нескольких следующих промежутков времени – хозяин винтовки решил называть их «днями» – он, разыскав в давно заброшенном мусоросборнике несколько фрагментов металлолома, соорудил нечто вроде настила, на который мог лечь, и стен, за которыми мог укрыться. В тених под сломанным каркасом скрывались сырые, ржавые уголки, покрытые мерзким на вкус конденсатом – там он разместил влагоуловители. Вода привлекала не только его, в укромных местечках ползали жирные насекомые и росли одутловатые, пикообразные грибы. И те, и другие оказались съедобными.

По правде говоря, ему приходилось разбивать лагерь и в худших местах, но так близко к сердцу врага – впервые. Он не позволял себе размышлять о путях отхода и планах действий после атаки, это стало бы самообольщением.

Ему предстояла последняя миссия... но, с другой стороны, он никогда не рассчитывал прожить так долго.

Если человек ждет смерти, надеется, знает, что она придет... Жив ли он на самом деле? Если ты поддался подобному чувству, сможешь ли вернуться к жизни?

Захочешь ли?

Отбросив беспокоящие мысли, он приступил к планированию.

Всё люди, которые встретятся тебе во время выполнения задания, делятся на два вида: «цели» и «побочки». Не забывай, что вторые могут стать первыми после единственного слова, действия или мысли.

Обратное невозможно.

Здесь, внизу, с разумом порой творились странные вещи.

Каждое мгновение, проходившее в гулких недрах старого звёздолета, приносило с собой шепчущие голоса. Воздух стонал и завывал, проносясь через трещины в металлических палубах или над неровной поверхностью обшивки. Корабли такого размера часто обладали собственным микроклиматом – настолько громадными были их утробы, что открытие и закрытие переборок, даже вдохи и выдохи членов экипажа создавали атмосферную циркуляцию, системы ветров и перепады давлений. На некоторых космолётах даже возникали небольшие дождевые облака. Сказочное зрелище.

Он прислушивался к этим шёпотам, пребывая в глубинах состояния покоя, напоминающей забытьё стадии отрешенности, в которой время растягивалось и не существовало ничего, кроме пули и цели.

По крайней мере, в теории.

Шепчущие голоса вторгались в его транс. Свистящие, невесомые звуки, чаще всего – бессмысленные вздохи корабля, живущего своей жизнью. Естественные и лишённые содержания.

Но, да, способные ввести в заблуждение. Порой он думал, что слышит слова или имена, то доносящиеся издали, то звучащие вблизи, и поэтому не любил засыпать, боясь, что шёпоты проникнут в его дремлющее сознание.

Именно поэтому он не сразу поверил, что увиденный им член экипажа – настоящий.

Сначала, впрочем, потерпевший крушение *услышал* бессмысленный, монотонный напев, издаваемый кем-то, совершенно лишённым музыкального слуха. Сперва он решил, что это какой-то нестройный шум на другой стороне железного ущелья, но затем, повернувшись под неактивным плащом, заметил движение.

Неторопливо, с осторожностью надев и закрепив маску, он включил движением зрачка термографический сканер. После этого стал отчетливо виден обрисованный искусственными цветами человек, пробиравшийся мимо торчащих колонн теплообменников.

Угрюмый, невысокий член экипажа – судя по ветхой, изношенной униформе, чернорабочий, – выглядел так же подавленно, как звучал его заунывный напев. Пришелец как раз замер в страхе перед какой-то воображаемой угрозой, озираясь по сторонам, словно боясь, что его заметят.

Человек в маске продолжал наблюдать за сервом. Он видел, как матрос нашел себе местечко, сел, и, запустив руку в складки засаленного кителя, извлек палочку лхы и зажигалку. Закурив, серв жадно затянулся, и в каждом движении читалось, что он тайно предается пороку, скрывшись от глаз тех, кто мог бы выразить неудовольствие.

Сенсоры маски расшифровали состав содержимого короткой и толстой самокрутки. Легкие наркостетики и низкопробные стимуляторы, все до последнего запрещенные имперскими постановлениями.

Он улыбнулся. Как будто терранские законы что-то значили на этом корабле.

Пистолет остался в укрытии – шумопламегаситель пострадал во время отчаянного рывка отстреленной спасательной капсулы, и, несмотря на «утверждения» оружия, что глушитель работает идеально, его владелец решил оставить проверку на самый крайний случай. Вместо этого он набросил плащ, не активируя его, и прихватил нож – хотя последний вряд ли заслуживал своего имени, будучи простым куском металла. Человек в маске сам выпрямил и грубо заострил обломок, но он всё равно мог вскрыть глотку не хуже фрактального клинка или молибденового резака.

Итак, он оставил укрытие, двигаясь легко и бесшумно. *Ближе, ещё ближе*. Серв не замечал приближения чужака, пока внизу не пронеслась очередная сцепка контейнеров, и зелёный люмен-индикатор на подвеске одного из них не отбросил странные тени от обоих людей.

Жалкое выражение детского ужаса на лице матроса оказалось настолько выразительным, что потерпевший крушение нашел в нём нечто извращенно комическое. Он грубо, издевательски усмехнулся, подозревая, что серв с испугу перепачкал штаны.

Искорка юмора тут же угасла, когда он осознал, что всё равно должен убить этого придурка – прирезать

его и сбросить труп в расселину. Невозможно допустить, чтобы укрытие обнаружили.

И нельзя, чтобы этот матрос, с его самокрутками и монотонными напевами, шатался поблизости. Незачем рисковать раскрытием позиции.

— Это они тебя п-послали? — спросил серв. *Литэ* - его имя можно было разобрать на выцветшей плашке с правой стороны груди. Забытая палочка лхо упала на палубу. — Всё, конец мне, да? Я их совсем достал?! Значит, вот как оно будет...

— Кого? — произнес хозяин винтовки ещё до того, как вопрос оформился у него в голове.

— Других! — теперь *Литэ* заламывал руки, дрожал и смаргивал слёзы, явно собираясь смыться. Впрочем, затем чернорабочий передумал - единственный путь к бегству вел через край железного утёса в бездонную тьму. — Я согласился на хренову татуировку, сказал, что посвящаю себя ему - этого что, мало?!

Человек в маске увидел нанесенный густыми чернилами знак, о котором говорил *Литэ* - красновато-чёрные линии, вьющиеся на щеке. Подобные татуировки часто встречались в низших слоях корабельной иерархии, палубные матросы помечали себя вахтовыми номерами, символами, обозначающими тот или иной сектор корабля, демонстрируя таким образом лояльность и собственный ранг. Грубые знаки различия для заряжающих, машинистов и прочего гражданского персонала.

Но этот символ был иным. В полумраке казалось, что его сильно запутанные линии движутся сами по себе - знак как-то влиял на восприятие. Нечто в самой форме татуировки, напоминавшей звезду, беспокоило хозяина винтовки, и он снова поднял взгляд к полным слёз глазам серва.

— Кому ты посвятил себя?

— Магистру войны, — ответил *Литэ*, но явно заученно, как будто не раз репетировал эти слова.

— Гору, — добавил матрос, словно неясно было, о ком идет речь.

— Почему ты лжешь мне? — придвинулся человек в маске, поднимая примитивный нож.

Инстинктивно отшатнувшись, *Литэ* тут же замер - сзади ждала раззявленная пасть бездны.

— Я не лгу! — возразил он. — Магистру войны... Слава...

Серв неопределенно взмахнул руками, словно какой-то приверженец старых религий во время молитвы.

— Славься, Гор! Смерть...

— Скажи это, — ржавый клинок плясал перед человечком. — Почему ты не договариваешь? Ты ведь один из них, верно? Так скажи это.

Потерпевший крушение понукал матроса, подталкивая его свободной рукой.

— Смерть...

Императору. Непроизнесенное слово висело в воздухе, и все же *Литэ* не мог вымолвить его.

Почему? Понимал ли этот незначительный человечек, что сейчас умрет? Возможно, в свои последние минуты он раскаивался в совершенном предательстве?

Хладнокровный убийца вновь улыбнулся при этой мысли. В свое время все, вставшие под знамена *отступника*, заплатят за сделанный выбор - от могущественнейшего примарха до ничтожнейшего матроса.

Предатель есть предатель, сказал он себе, и смерть - расплата для каждого из них.

— Я не предатель! — внезапно выкрикнул Литэ, брызгая слюной.

Неужели я произнес последнюю мысль вслух и не понял этого?

Человек в маске нахмурился, недовольный собой.

— Смерть... вам всем, паскудные шлюхины дети! — вдруг покрасневшись и покрывшись потом, с бессильной яростью заорал матрос. Это было истинное отчаяние, сокрушившее все преграды при осознании близкого конца и того, что теперь ничто уже не имеет значения.

— Я больше не повторю тех слов! — вопил серв, и его голос уносился вдоль по ущелью гулками, неразборчивыми отзвуками эха. — Я отвергаю вас всех, слышите?! Убейте меня за это! Но я умру с чистой совестью! Я - сын Хтони, верный Terre и Императору Человечества!

— Правда?

— Десять поколений! — яростно орал Литэ. — Отцы и матери, сыновья и дочери - мы вкалывали на этом корабле во имя Лунных Волков!

Матрос поднял голову, и по его лицу пробежала тень глубокого горя, словно человек смотрел на любимого человека, умирающего от ран.

— Что он с ним сотворил? Такой прекрасный и благородный, а теперь... *разерщённый!*

Убийце не сразу понял, что человек говорит о самом великом корабле.

— «Мстительный дух»?

— Да! Такой могучий и праведный - но он сломил его. Но не меня, слышите?! Я верен, и будьте вы прокляты! Верен...

Последнее слово прозвучало, как слабый вскрик побеждённого. Литэ знал, что смерть близка, и последняя вспышка праведного гнева не прогнала её.

— Я не могу больше жить во лжи, — произнес он, начиная рыдать. На мгновение показалось, что серв действительно может броситься на нож в последней, тщетной попытке выказать неповиновение.

— Мужайся, Литэ, — сказал человек в маске, осторожно опуская оружие. — Ты не умрешь сегодня.

— Нет? — лицо матроса выражало то трогательную признательность, то глубокую недоверчивость. — Почему?

— Потому что я хочу посмотреть в глаза верного человека, — хозяин винтовки сел на колпак одного из отключенных теплообменников. — Хочу узнать, остались ли такие люди вообще.

Литэ внимательно изучал его, и убийца внезапно понял, что до сих пор не снял боевую маску - он смотрел на серва пустым, лишенным эмоций взглядом моноленты визора. Ассасин поднял руку, чтобы стянуть личину и показать несчастному дураку, что под изорванным чёрным плащом скрывается

человеческое существо.

— Кто ты такой? — спросил матрос. — Зачем ты здесь?

— Меня зовут...

Теперь, когда он собирался назваться, оказалось, что имя не так легко облечь в слова. Хозяин винтовки почти испугался, что они могут ускользнуть.

— Меня зовут Эристид Кель, — вспомнил он, наконец. — Я здесь, чтобы сразить чудовище.

Что есть маска? Это ложь о том, кто мы такие. Это истина о том же самом. Все надеваемые нами маски идентичны, любая из них ничем не отличается от другой. Если тебе доведется сгинуть под личиной, она поглотит твои биоданные и превратит тело в жидкую массу, которую никогда не сможет восстановить ни одна технология. Таким образом, под маской мы безлики и неубиваемы. Каждый раз, когда один из нас падает, на его место встает другой. Непосвященным мы кажемся бессмертными.

Как он оказался здесь?

Из-за невозможности следить за ходом времени, важно было постоянно прокручивать в голове важные воспоминания - значимые, и, возможно, полезные. Ассасин, без сомнений, лишился многого. Удар по голове, полученный, когда капсула пробилла нижние палубы флагманского корабля Гора, и пагубное воздействие змеиного яда серьезно сказались на его разуме.

«Я есть оружие».

В те последние мгновения Кель вполне готов был умереть. Задание, которое он получил от своего господина в круге Виндикар и магистров-ассасинов Терры, в итоге почти пошло прахом. Сам Эристид и вздорная команда убийц и безумцев, собранная Верховными лордами, не справились с возложенной миссией. Их направили на планету Дагонет, где отряду предстояло разрешить проблему в лице магистра войны, *отстранить* Гора от командования - навсегда.

И они провалились.

Он провалился. После того, как Кель нажал на спусковой крючок, погибло всего лишь подставное лицо - вместо самого архипредателя ассасины казнили одного из полководцев магистра войны. Но, на руинах своей неудачи, отряд Келя отыскал следы ещё худшего зла, рыскающего в тенях - твари, порожденной варпом, кровожадного демонического гибрида, бытие которого нарушало все известные законы реальности. Это создание просто не могло существовать, и при этом оно было превращено в идеального ассасина, живое оружие, направленное в сердце Императора Человечества.

Эристид и остальные не задавались вопросом, возможно ли подобное. Даже ничтожная вероятность успеха твари означала, что её нужно остановить любой ценой.

И они остановили её, поплатившись *всем*. Тариил из круга Вэнус, меняющий лица Койн из круга Каллидус, безумная девчонка-псайкер Йота и здоровяк-эверсор Гарантин - все они сгнули, отдали жизни ради уничтожения этого чудовища, «Копья».

И его сестра тоже... Любимая сестренка.

Как её звали?

Кель видел призрачный образ лица, слышал голос сестры – но только не её имя.

Как звали мою сестру?

Она тоже погибла. Её отняли у Эристида. Сжав голову руками, Кель давил до тех пор, пока боль не стала мучительной, но воспоминание о сестре осталось тёмным и холодным. *Пустая скорлупка.*

В конце всего, он хотел умереть. Стать оружием.

Подняв канонерку «Ультио» в космос, отыскав «Мстительный дух» и убедившись, что Гор на борту флагмана, ассасин направил свой катер, словно ракету, в палубу, на которой стоял магистр войны. Келя вела слабая, ничтожная надежда на то, что сын-предатель Императора будет смертельно ранен в столкновении.

Но, понимая, насколько ничтожны шансы...

...пока корабль пылал вокруг него...

...куда ни посмотри – алая мозаика тревожных рун...

...крохотная спасательная капсула, голубоватое сияние из люка...

...нужно только сделать шаг...

...задание – всё, что осталось у Эристида Келя в его опустевшем, полном отголосков прошлого существовании...

Он бежал, убедив себя, что гибель в этот момент ничего не докажет, а значить будет ещё меньше. Кель не собирался умирать на борту катера, пока в нем оставалось жизни хоть на один вздох, пока в оружии оставалась хоть одна пуля.

В общей неразберихе, возникшей после его безрассудной атаки, и облаке атомного огня, ознаменовавшего уничтожение «Ультио», запуск спасательного модуля прошел незамеченным. Вонзившись в корпус «Мстительного духа», капсула доставила Эристида в царство врага, и ассасин засел в нем, словно осколок в открытой ране.

Кель обращался к этому воспоминанию чаще, чем к остальным – обрывкам детских лет или поздним фрагментам идеальных убийств, покрытым кровавыми пятнами. То действие изменило условия его существования.

На Дагонете Кель не сумел казнить Гора. Он провалился.

Но когда ассасин оказался здесь, на борту «Мстительного духа», и, скрываясь на нижних палубах, вновь начал планировать *это* убийство, былая неудача утратила значение.

Он *не* провалился. Миссия *не* закончилась. Эристиду Келю ещё суждено было выстрелить.

— Я здесь, чтобы сразить чудовище, — сказал он, и поклялся, что на сей раз преуспеет.

Никогда не спрашивай, кто они такие. Никогда не уделяй и секунды своего времени подробностям их существования. Не спрашивай себя, заслуживают они смерти или имеют право на жизнь. Тебя не должно это волновать, сию ношу, сняв груз с твоих плеч, взвалили на себя мужчины и женщины, обладающие большим знанием.

Будь благодарен за дарованную ясность, и принимай её без сомнений. Знай, что цель – единственная истина.

Между ассасином и палубным матросом установился шаткий мир. У Литэ нашлись ещё палочки лхо, и серв дрожащими руками протянул одну из них Келью. Тот принял предложение, и они некоторое время курили в дружеском молчании, оценивая друг друга.

Эристид глубоко, с наслаждением затягивался наркостетическим дымом – прошла целая вечность с тех пор, как он предавался порокам. Или, по крайней мере, так ему казалось. Совершая эти мелкие, обыденные манипуляции, Кель чувствовал нечто отличное от блеклой, бесконечно пустой меланхолии, преследовавшей его со времен Дагонета. Впрочем, он не мог сказать, что именно ощущает. Названия подобных вещей забылись.

Потом Литэ завел разговор о шрамах Эристида и бесцветных пятнах на коже, там, куда пришлись змеиные укусы, но ассасин ещё не был готов обсуждать подобное. Вместо этого, он попросил матроса рассказать о себе... и тот медленно, опасливо поведал свою историю.

— Ты можешь подумать, что я слабак, — начал серв.

Кель именно так и решил, но не видел причин признаваться.

— Позволь объяснить, как всё было. Я начал вкалывать на палубах «Духа» с малых лет, как только набрался силенок, чтобы поднимать муфту генератора, так-то. Я знаю все истории о том, как киль корабля закладывали на верфи, могу рассказать о людях, умерших, чтобы подарить ему жизнь. Здесь целая книга о «Духе», понял?

С этими словами серв похлопал себя по голове. В полумраке на ней виднелись синяки и следы старых ушибов.

— Прямо здесь, да, — продолжил Литэ. — Ничего не забыто.

Кель знал о таких вещах. Словесные предания и устные традиции возникали на огромных боевых кораблях Империиума, точно так же, как в городах на поверхностях планет. Настолько грандиозны и сложны были межзвёздные гиганты, что в их тени рождались настоящие легенды, истории о призраках и современные мифы, одной ногой опирающиеся на факты, а другой утопающие в фантазиях. «Мстительный дух» относился к числу таких кораблей, и ассасин не сомневался, что под его стальной кожей живут предания, насчитывавшие уже целые столетия. Члены экипажа делились такими историями друг с другом, передавали их новым поколениям служителей, приукрашивая и дополняя легенды по ходу действия. Матросы, подобные Литэ, являлись кем-то вроде летописцев, своеобразного и примитивного толка.

Вот только по их историям не высекались монументы и не создавались оперы. Матросские легенды не обладали эпичностью преданий о Легионес Астартес, воинах, которые вышагивают над головами меньших созданий и никогда не уделяют им даже толики внимания.

Литэ всё говорил и говорил – однажды начав, он как будто не мог остановиться.

— Мы сражались в Крестовом походе, о да, к великой славе, — в глазах серва блеснули слёзы. — Ох, если бы только знал! Когда Гор поднялся на борт, здесь закатили такое празднество! Мы были единым целым, понимаешь? Мы были кораблем магистра войны, первыми среди равных. Нам предстояло стать величайшим экипажем в истории... Какое-то время, так всё и было.

«А потом?»

Но Келю не пришлось понукать матроса. Литэ уставился в пол, и теперь его слова отдавали горечью.

— Но недолго. Вся красота выгорела, я видел это отсюда, с нижних палуб. Не обязательно стоять на мостике, чтобы заметить изменения, не-а. Мы все поняли это. Все, — серв указал на свое лицо. — Давин, все перемены начались с него. Может, побеги укоренились раньше, но расцвели они в Дельфосе, на Давине.

Жутко боясь, что его подслушают в этом безлюдном месте, Литэ опустил голос до хриплого шёпота.

— Гор *пал*, и, заклеими меня за такие слова, но всем было бы лучше, если б он никогда и не поднялся. Когда магистр войны вернулся, он... его изменили.

— Поясни, о чем ты.

— У меня нет нужных слов, я человек необразованный. Но я видел это. Вижу это! *Знаю это!*

Серв медленно покачал головой.

— А потом - Исстван. Ох, Трон помилуй нас - *Исстван*. То, что там сотворили, преследует всех. Скверна запятнала корабль и каждого матроса на нём. Он перебил своих детей и братьев, этот магистр войны. Скрыл предательство под именем восстания, словно это какое-то праведное дело.

А дальше Литэ рассказал Келю историю одного человека, *ярусного мастера* - кого-то вроде бригадира, отвечающего за палубы, на которых сервы производили обслуживание огромных фокусирующих кристаллов для лэнс-пушек флагмана. Он начальствовал над новым знакомым ассасина, а по крови приходился матросу дальним родственником. Ничего необычного - низшие уровни иерархии экипажей некоторых кораблей становились своего рода общинами, которые населяли палубы звездолётов и соединялись теми же узами, что и жители маленьких отдаленных колоний или сельских поселений.

Ярусный мастер в полный голос выступил против восстания Гора и был казнен за это. Трагичный, но вполне ожидаемый исход; весь ужас заключался в том, как именно его казнили. Человека привязали к генерирующему кристаллу, проходящему тестовый цикл возбуждения/торможения, и оставили там, выгорать изнутри и снаружи на протяжении шестнадцати дней. Матричная стазис-установка во внутреннем механизме лэнс-пушки всё продлевала и продлевала пытку, замедляющее энергетическое поле растягивало время для обреченного мученика. Каждый серв в экипаже, оказавшийся поблизости, вынужден был выслушивать заторможенные, протяжные вопли.

Но это оказалось не самым скверным, *не-а*. Литэ объяснил, что с бригадира всё только началось.

— Вскоре кровопролитие стало... повседневностью. Хозяева нуждались в нем, просто чтобы тени оставались довольными, понял? Штуки в тенях, то есть. Они забирали людей, иногда выталкивали их обратно. И ты не хотел бы увидеть, как тени меняли людей - или легионеров.

— Мне встречалось... нечто подобное, — предположил Кель, и матрос косо взглянул на него, словно не совсем поверив ассасину. Но затем между ними мелькнуло безмолвное понимание, кошмарная схожесть пережитого, и оба поняли, что Эристид прав.

— Я - трус, — отважился признать Литэ, стыдясь самого себя. — Слабак. Побоялся поднять голос, работал, опустив голову, и притворялся, что ничего не замечаю. Но я видел, видел и не мог рассказать о том, как мне страшно, потому что не знал, кто чувствует себя так же, а кто стал *верующим*. Ведь нужно было притворяться, даже если ты не веришь, а иначе смерть. И не быстрая.

Серв кивнул в сторону металлического каньона.

— Многие предпочли этот путь каторге под кнутами магистра войны и его... холуев.

Тут Эристид заметил, что Литэ содрогнулся, хотя воздух был теплым, словно кровь.

— Тебе нельзя говорить обо мне, — сказал он матросу. — Я прикончу тебя, если не поклянешься молчать.

Палубный матрос кивнул.

— Хотелось бы мне набраться храбрости и попросить тебя о смерти, но не выходит, — он глянул в сторону.

— Может, ты сделал бы всё быстро и безболезненно. Если они заподозрят, что я видел здесь человека, то выжмут из меня правду. Я - слабак, — повторил Литэ.

Ассасин лишил жизни столько людей по таким незначительным поводам, что удивился возникшему сейчас *нежеланию* убивать. Возможно, причиной тому - жажда разделить с кем-то одиночество на боевой барже предателя?

Сколько он уже пробыл здесь? Дни? Недели? Месяцы? Кель не понимал, отчего ему так тяжело следить за ходом времени, и это терзало разум.

— Мне нужна вода, — сказал, в конце концов, ассасин, отложив грубый нож и подумав о той мерзкой жиже, которую ему приходилось пить, загрязненной неизвестными веществами с корпуса корабля. — Можешь достать мне очистительный фильтр?

Кивок.

— Могу, так, чтобы не хватились.

— Принеси его, — ответил на это Кель, — и, возможно, докажешь, что способен справиться с трусостью.

Позже, оставшись в одиночестве, ассасин попытался отыскать окурки от палочек лхо в качестве «вещественного доказательства» реальности Литэ. Ничего не нашлось. Наверное, дыхательные ветра, гуляющие вверх и вниз по ущелью, унесли их.

По крайней мере, так решил сам Эристид.

Не обращай за помощью к другим, даже если не видишь иного пути. Верно, на просторах Галактики есть хорошие, верные люди, которые с радостью поддержат исполнителя Воли Императора, если

узнают, что таковой появился среди них. Но ты не должен ставить их под угрозу. Они не обучены, как ты. Они могут совершать ошибки. Выскочившее слово, странное действие... Не рискуй так. Твоя винтовка – единственная жена, невеста или подружка, которой ты можешь довериться.

Впрочем, он не мог избегать сна вечно. Засыпая, Кель неизбежно возвращался к моменту, когда впервые оказался на борту «Мстительного духа», словно сам корабль не позволял ассасину забыть те мгновения – даже если прочие воспоминания в пострадавшем разуме Эристида уже потрескались и раскрошились. Каждый раз, закрывая глаза, он погружался в яркие образы прошлого.

Капсула углублялась в корпус флагмана, и визг металла, раздираемого абордажными зубьями, напоминал *вопл ребёнка из жести и стекла, которого полосуют бритвами*. Да, так он звучал.

Спасательный модуль получил пробоину, врываясь на нижние палубы, и нечистый воздух корабля наполнил крохотное внутреннее пространство размером с гроб. Наконец, капсула остановилась, раскаленная докрасна трением, пощелкивая и потрескивая, пока внешняя аблятивная броня стекала с корпуса крупными тягучими сгустками. Когда Кель, получивший кожные и лёгочные ожоги, выбрался наружу, «Мстительный дух» впился во временно ослепшего ассасина клыками, сочащимися ядом.

Капсула пробилась борт флагмана неподалеку от одного из гигантских трюмных резервуаров, и окружающее пространство наполняла резкая органическая вонь. Слежавшиеся слои грязи, столетиями нараставшие друг на друга, оказались домом для колоний жирных, червеподобных существ, ползающих и извивающихся среди лопастей биоустановок контроля среды. На этих опарышей охотились более крупные создания, скользившие во тьме – безглазые твари со змеиными телами и миножьими пастями. Невезение привело Эристида прямо к одному из гнезд этих существ.

Он как раз вытаскивал уцелевшие остатки экипировки из разбитой спасательной капсулы, когда змеи, в конце концов, решились атаковать. Терзающие челюсти, жестокие и сильные, впелись в тело ассасина и впрыснули отраву в кровь – этот нейротоксин мгновенно парализовывал опарышей, позволяя хищникам сожрать их заживо. На человека яд оказал совершенно иное действие.

Токсин повлиял на разум Келя. Сначала ассасин шатался, словно пьяный, отбиваясь от тварей, а конечности, становясь эластичными, постепенно прекращали повиноваться ему. Эристид пытался уковылять от хищников, слабо понимая значение громких всплесков за спиной – элементы его экипировки тонули в глубоких, мутных канализационных водах.

А потом Кель рухнул на колени, и яд овладел им. Он струился по сосудам, реагируя с кровью и изменяясь, становясь психотропным. На какое-то время, ассасин обезумел.

Что он видел в бреду?

Эристид оцепенел в сумеречном помрачении сознания, смешавшемся с недавними воспоминаниями о пережитом на Дагонете кошмарном противостоянии с не-человеком; с убийствами, свидетелем которых стал ассасин и запутанных, искаженных событиях, предвещааемых ими. Время и пространство просачивались друг сквозь друга перед взором Келя, не смешиваясь, словно потоки крови и масла, создавая сюрреалистичный ландшафт.

Ассасину довелось узреть вещи, не имевшие для него никакого смысла, образы и картины, порожденные не его разумом или памятью. Позднее, в моменты спокойствия, когда Кель нес бессрочный дозор в укрытии, он пытался сосредоточенно обдумать эти видения и отыскать их источник. Что, если Эристид

видел не собственные воспоминания, но некие образы из примитивных разумов хищников? Подобные создания существовали – ксенотвари с ничтожными псайкерскими силами, способные проникать в мысли своих жертв. Неужели токсин оказал такое воздействие? Или же это было нечто иное, куда более изящное и пагубное?

Что, если сам «Мстительный дух» показывал Келю те картины? Столь великий и сложный механизм, ныне оскверненный тьмой варпа и демонической поганью, мог ли он проникнуть в разум ассасина с ядом тварей, живущих в его трюмах, влиться в отравленную кровь Эристида? Послал ли Келю эти видения сам корабль?

«Если я думаю, что подобное возможно – не утратил ли я разум? — такими вопросами мучился Эристид. — Безумен ли я?»

Ответа не было, лишь сон-видение-бред-фантазия-отрава-галлюцинация, остающаяся прозрачной, как стекло, неизгладимым шрамом лежащая на мыслях ассасина, засевшая в материи его разума, словно заноза ощущений.

Видение всегда оставалось неизменным – Кель стоял на огромной террасе, выступающей из стены железного ущелья, и его постепенно накрывала тень магистра войны, застилая бледный свет. Тёмное великолепие примарха, жестокость и злоба кипели, скрытые за благородным, немислимо идеальным лицом.

Словно статуи, виденные Эристидом на Дагонете.

Ожившие, растущие, тянущиеся к нему.

Но в те мгновения, когда Келю удавалось сохранить наибольшую ясность ума, не дать разбежаться собственным мыслям и схватиться за тростинку здравого рассудка, ассасина сильнее всего пугали чувства, вызванные видением. Такие чистые, и такие постыдные.

Эристид Кель не смотрел в лицо Гору и не испытывал к нему ненависти, хотя и говорил себе, что *должен*. Но сущность магистра войны была чем-то вроде чёрного огня, недоступного для полного понимания смертных, испускавшего гибельное излучение, одновременно поглощающее и манящее.

Сингулярность бытия.

Казалось, что круговорот эмоций в сердце Келя развернулся в обратном направлении. Разумом он понимал, что при виде Гора должен испытывать величайшую ненависть: *предатель есть предатель, и смерть – расплата для каждого из них*. Но эти слова звучали, словно выученная роль, и в них зияла пустота, наполненная пеплом.

Эристид знал, что должен ненавидеть Гора, что сын Императора, первый среди равных, предал самого Келя и всё человечество. *Он знал это*. В конце концов, такова была его миссия – сразить чудовище.

Но кто *на самом деле* предал ассасина? Не Гор. Кто отправил Эристида, его сестру и всех остальных на бессмысленное задание, на миссию, которую они никогда не сумели бы, даже не могли бы *надеяться* выполнить. Кто оставил Келя погибать?

В видении-сне Гор протягивал ассасину руку, без всякого гнева и не замышляя насилия. Движение магистра войны казался сочувственным.

«Безумен ли я? — вновь и вновь спрашивал Эристид. — *Поддался ли разложению, как и другие?*»

Осталось ли в мире хоть что-то чистое?»

Когда яд, наконец, выпустил ассасина из своей хватки, тот очнулся на мелководе загрязненных трюмных стоков, окруженный дохлыми змеями. Рот Келя оказался набитым мелкой чешуей, а на зубах засохла чёрная кровь хищников. Извергнув содержимое желудка в воду, перепачканный и охваченный дурнотой Эристид, пошатываясь, убрел прочь.

Судьба кратко улыбнулась ассасину – он нашел свой лекарский набор. Тут же распечатав его, Кель принял все подходящие средства, чтобы изгнать ужас из разума.

Хоть на какое-то время.

Миссия никогда не заканчивается. Пока ты не получишь отзывающий приказ, пока руководство не скажет иного, задание продолжается. Это диктат, которому нельзя возразить. Не имеет значения, насколько сложно осуществить казнь, как много времени займет подготовка, сколько «побочек» погибнет при выполнении задания. Оно должно быть выполнено. Оно будет выполнено. Ты доведешь его до конца.

Ты сделаешь это.

Как произойдет убийство магистра войны? Пока шли дни, этот вопрос всё сильнее поглощал ассасина.

Кель регулярно чистил и проверял драгоценную винтовку «Экзитус», хотя она и не требовала столь назойливого внимания. Занятия Эристида опасно близко подошли к рубежу, за которым необходимые операции по поддержанию инструмента ассасина в рабочем состоянии превратились бы в *священнодействие*. Движения ветоши по разобранному спусковому механизму, медленное, изощрённое тестирование каждого набора датчиков в прицельном модуле с последующей перепроверкой... Это начинало напоминать строго определенный ритуал выполнения святых обрядов, проводившихся во всех разрушенных ныне церквях, выжженных светом Имперской Истины.

Спрятав золотистую аквилу, которую оставила ему сестра – бедная девочка с позабытым именем, – Эристид больше никогда не смотрел на украшение. Он не хотел отвлекаться на подобные мелочи. Укрытие стало алтарем ассасина, храмом, где он на время обрел покой. Умиротворение приходило к Келю во время коленопреклоненной молитвы оружию, длинной и тонкой снайперской винтовке усовершенствованной модели, лежащей в его руках, словно литой псалтырь, созданный из металла и углеродистой стали.

Ассасин прогонял детали убийства перед мысленным взором, пока не научился мгновенно представлять любую составляющую *деяния*. Расчёт поправки на ветер и цифры на стеклянных глазах прицела обрели идеальную гармонию нотной записи. Очертания зоны расположения цели Кель помнил наизусть, как изгибы тела любовницы под своими пальцами.

И – финальная часть священнодействия – единственная пуля в винтовке.

Только она осталась у Эристида, и порой ассасин, доставая неиспользованный заряд из казённика, бережно катал его по ладони. Прикосновение холодной латунной гильзы успокаивало Келя, её

вращение, почти неощутимый вес смертоносного заряда – всё это помогало обрести уверенность. Словно якорь, пуля удерживала его здесь и сейчас, не давала *уплыть*.

Маркировка по окружности капсюля сообщала, что заряд произведен на Телемахе, в одной из секретных кузен, находящихся во владении круга Виндикар. Созданный с допуском в несколько микрометров, подходящий только к винтовке «Экзитус» и никакому иному оружию, патрон был новым – выпущенным за один солярный год до того, как его выдали Келю. Заряд обладал точно распределенным балансом масс, а сама пуля, представляющая собой компактный броневой снаряд со сбрасываемым поддоном и разделяемым активным сердечником, обрела жизнь на центрифуге в нуль-гравитационном цехе мануфакториума.

Идеальная. Безупречная. *Готовая*. Подари ей убийство – и пуля расцветет.

Эристид рассчитал время преодоления ущелья, от мига, когда лицо Гора появится в прицеле – а ассасин немедленно нажмет на спусковой крючок – и до момента попадания. Ему предстоит попасть точно в глаз магистра войны – Кель предпочел бы правый, но сгодятся оба, – чтобы максимально увеличить шансы на мгновенную смерть повелителя Лунных Волков. Как только пуля пронзит роговицу, запустится процесс фрагментации заряда вплоть до нанометрового уровня. Крохотные, фрактально заточенные осколки разойдутся сферой миниатюрных кинжалов, движущихся на сверхзвуковой скорости, что создаст ударную волну, способную растерзать даже постчеловеческую плоть и расколоть крепкие, словно сталь, кости бога войны. По оценке ассасина, в случае идеального попадания вероятность мгновенной смерти цели составляла один к семи. Разумеется, с учетом прочих факторов убийство на месте становилось менее возможным, но катастрофические повреждения мозга, не приводящие к биологической гибели организма, входили в критерии успешного выполнения задания.

Меньшее будет расценено как провал миссии.

В расчетах Кель исходил из того, что цель будет стоять неподвижно, без шлема и прикрытия в виде метаэнергетических барьеров.

Цель, отличная от всех прочих. Цель... Существо, подобных которому никогда не убивали смертные люди...

— Невозможно.

Произнес ли ассасин это вслух, или воздух прошептал слово ему на ухо? Сложно сказать. Эристид часто забывал, как звучит его голос.

Может ли человек убить примарха? Может ли смертный сразить полубога? Часть Келя хотела на собственном опыте узнать, возможно ли это; другая часть с криком отвергала столь дерзновенный замысел. В самом начале миссии высокомерный, полный самолюбия ассасин считал, что сможет выполнить задание.

Но, после всего произошедшего, Эристид думал иначе. У него возникли сомнения.

Именно поэтому Кель должен был выстрелить – *чтобы убедиться*.

Чтобы заставить шепчущие голоса умолкнуть.

Виндикар.

Высокий готик, Старо-Терранское происхождение (до Раздора, пригл.) Инфинитив настоящего времени действительного залога от «виндик».

Сложное слово, образованное сложением корня «виндик» – «защитник, охранитель» и основы «дико» – «говорить».

Лексическое значение (многозначное слово): защищать; освободить, вызволять, извлекать; утверждать, доказывать; мстить или карать.

Он хлебнул воды из дырявой фляги, ощутив пустой и безжизненный вкус пресной жидкости. Внезапно и ярко Кель представил, как пил вино, воспоминание вспыхнуло, словно факел в тёмной пещере его разума. Ассасин уставился на бутылку, и, обнаружив, что очиститель в её горлышке забился частицами грязи, вытряхнул их. Интересно, это Литэ принес ему фильтр или Эристид сам нашел запасной модуль на дне рваного мешка? И то, и другое представлялось возможным.

А потом вопросы мгновенно схлынули – он услышал сирены, завывающие в ущелье.

Это определенно не было галлюцинацией, повсюду метались маленькие летающие дроны, механогибриды в орлином обличье, пронзающие сумрак тонкими лучами поисковых сенсоров. Что они пытались найти?

Кель мог лишь догадываться о настроениях «Мстительного духа», но сегодня корабль явно вел себя раздражённо. Ассасин уже пробыл здесь достаточно долго – и сколько же? – чтобы сообразить: *что-то пошло не так.*

Шло сражение. Где-то там, наверху, в сотне палуб отсюда, за стенами стратегиума, магистр войны и капитаны Сынов Гора занимались смертоубийством – Кель скорее чувствовал, чем знал это, но к тому времени он уже больше доверял инстинкту, а не рассудку. Эристид позволил себе превратиться в дикое, ведомое примитивными реакциями животное, терпеливого хищника. Исчез человек, вынужденный планировать и ждать, ждать и планировать. Келя не интересовало, за что бьются участники далекой схватки, подобные мысли были слишком смутными, отвлеченными и легко ускользающими. Всё, чего хотел ассасин – чтобы Гор пришёл к нему.

И так *будет*. Кель видел это во сне-видении, *деяние* уже свершилось на каком-то ином плане времени и вероятности. Так шептали ему голоса.

— Эристид!

Ассасин резко повернулся, услышав сиплый голос, зовущий его по имени, и увидел матроса, бегущего по палубе к укрытию. Серва била паническая дрожь, а из пореза на щеке текла кровь, заливая лицо.

Выругавшись, Кель бросил быстрый взгляд на железный каньон. Несколько механических птиц, прервав спиральные облёты ущелья, разворачивались в их сторону – должно быть, услышав крик этого придурка.

Уже не в первый раз ассасину захотелось, чтобы камуфляжный плащ работал, как следует. Будь он в полностью исправном состоянии, Эристид просто залёг бы и завернулся в маскировочную ткань, а дроны приняли бы Келя за холодную стальную балку, выступающую за край мостика. Но сейчас истрепанный и дырявый плащ мог прикрыть ассасина лишь в диапазоне видимого света, от провидцев ближнего действия, как и термальных, ультрафиолетовых или магнитно-звуковых сканеров он не спасал.

Эристид устремился к Литэ, резкими жестами приказывая тому найти укрытие.

— Тихо, придурок, тихо! Они приближаются, не видишь, что ли?

Палубный матрос кое-как спрятался за теплообменником.

— Я пришел предупредить вас, господин Кель.

Вблизи лицо серва выглядело иначе - татуировка, *ведьмин знак*, казалась более детальной, чем раньше, линии, нанесенные краской, превращались в шрамы, распухшие и налитые кровью. Кроме того, Литэ смотрелся изможденнее прежнего, глаза и щеки матроса глубоко запали. Даже кровь, текущая по лицу, выглядела ослабевшей - жидкой, больше похожей на багровые чернила.

Чернорабочий не обращал внимания на пристальный взгляд ассасина.

— На борт корабля кто-то проник, — выпалил матрос, не переводя дыхания, — говорят, отряд воинов, направленных самим Сигиллитом!

Кель удивился тому, что упоминание титула лорда Малкадора заставило его, в буквальном смысле, вздрогнуть. Не в силах разобраться в столь странной реакции, ассасин проигнорировал её.

— Они пришли за Гором?

— Конечно! — на лице серва смешались удивление и смущение, словно ответ подразумевался сам собой.

— А за кем же ещё?

Схватив человечка за плечи, Эристид яростно затряс его.

— Сколько их? Где они? *Говори!*

Литэ поднял руки, пытаясь защититься от внезапно набросившегося на него ассасина.

— Никто не знает! Поэтому наблюдатели и рыскают по кораблю, они ищут пришельцев! Ты что, не понимаешь? Если легионеры убьют его, то освободят всех...

— Нет! *Нет!* — заорал Кель в лицо серву. За спиной ассасина раздалось жужжание стальных перьев - механические птицы, почуяв тепловой след, неслись к ним над бездной, не переставая зондировать и сканировать пространство.

Но в тот момент Эристид не думал о них, полностью поглощённый мыслями о том, что шанс, предоставленный ему судьбой, может так и не воплотиться в жизнь. *Такого не может быть.* Гора не должны убить какие-то самозванные агенты, посланные этим трижды проклятым псайкером! Видение обещало Келю, что он получит возможность сразить чудовище!

— Ты делаешь мне больно, — задыхаясь, пробормотал Литэ, в глазах которого блеснули слёзы. — Пожалуйста, отпусти, пока наблюдатели нас не увидели...

Но его мольба оказалась бессмысленной. Пара птиц-машин вынырнула из дымного полумрака над головами людей, обнажив вольфрамовые когти и приготовившись схватить обоих. Веера изумрудных лучей накрыли палубу, и жертвоуказатели обнаружили двоих нарушителей с такой легкостью, словно те лежали на свежеснежавшем снегу.

Наблюдатели спикировали на цель, испуская металлические крики. В этот момент Кель оттолкнул Литэ

от себя и тем самым – ненамеренно – спас матросу жизнь. Смертоносные когти, способные одним движением вскрыть человеческое горло, пронеслись так близко от обнаженной глотки серва, что он ощутил дуновение распоротого воздуха.

Вторая механическая птица целилась в глаза Эристида, собираясь вырвать их и располосовать лицо ассасина. Тот мгновенно и слабо пожалел, что оставил шпионскую маску в укрытии – Кель вообще почти не надевал её последнее время.

Пригнувшись и расстегнув пряжку старого плаща на шее, ассасин резко крутнулся на месте, заставив ткань распахнуться полукругом темноты. Не успевший сориентироваться механизм попытался выйти из пике и совершить разворот с креном, но Кель предугадал его маневр. Дернув плащ на себя, Эристид поймал птицу-машину в складках ткани, не позволив наблюдателю рвануться обратно, в высоту. Взмахнув плащом-силком, ассасин раскрутил свёрток плотной материи, бывший когда-то его боевой экипировкой, и с размаху ударил им о палубу. Затем, не теряя ни секунды, Кель бросился вперед и принялся топтать дергающееся, клекочущее тело под чёрной тканью. После каждого удара ног ассасина тварь вырывалась всё более злобно и яростно, но Эристид вскоре покончил с ней.

Второй летающий дрон осаждал несчастного Литэ, избивая и полосуюя его заточенными краями крыльев. Отреагировав на смерть партнера, он мгновенно забыл о матросе и обратил свой хищный гнев на Келя. Крылатое копьё из металла, пластика и птичьей плоти устремилось к ассасину, и тот ощерился, готовясь к встрече.

Наблюдатель, метя в горло, прошелся когтями по груди Келя, и тот закрутился от силы удара, не выпуская грубый нож из кулака. Крича от боли и ярости, ассасин крепко сжал свободной рукой тело механической птицы, изрезав ладонь в кровавые лохмотья. Клинок метнулся размытым пятном и вонзился в торс дрона, а потом ещё и ещё раз, так, что тугие струи технических жидкостей фонтаном хлынули на железные пластины палубы. Эристид всаживал нож в машину до тех пор, пока не убедился, что она мертва, и к тому моменту руки ассасина превратились в рваную мешанину исполосованной плоти, чёрных смазочных масел и густой крови.

Увидев, что Кель, вздрагивая, направился к нему, Литэ отшатнулся, и ассасин понял, что матрос перепуган донельзя. Страх проник в каждую клетку его тела, он был воздухом в лёгких, водой для губ серва. Эристид ощутил ползучее, тошнотворное отвращение к самому *существованию* человека, словно каждый вздох Литэ чем-то оскорблял его.

Ассасин не стал спрашивать себя, откуда взялась такая желчность. Даже не подумал об этом. Он просто заорал на Литэ и кричал, пока матрос удирал прочь.

— Беги, ты, жалкий ублюдок! Смотреть на тебя не желаю, понятно? Возьми свои слова обратно и убирайся!

Кель сплюнул на скользкую палубу.

— Если ты вернешься, если снова сунешь сюда свой нос и не принесешь новость о том, что *Гор ещё жив...* — голос Эристида достиг крещендо, — я пристрелю тебя на месте!

Литэ сбежал, похоже, не веря, что сумел уцелеть. Стоило утихнуть отголоскам шагов матроса, Кель осел на мостик и уставился на изуродованные руки.

Медленными, мучительными движениями ассасин подтянул убитый плащ и принялся разрезать его на полосы, подходящие для перевязки пальцев и ладоней. Занятый работой, он напряженно прислушивался

к шёпоту «Мстительного духа», надеясь уловить частичку знания о том, что люди Малкадора провалили задание и чудовище выжило.

Эристид улыбнулся своим мыслям. Сигиллиту тоже придется испить горькую чашу разочарования.

Величайшее оружие в нашем арсенале также является древнейшим, чистейшим, простейшим в применении. Но, с другой стороны, им сложнее всего овладеть в совершенстве. Каждый убийца должен уяснить абсолютную истину: ты не уникальный. Ты не особенный. Ты умрешь, и ничто не в силах предотвратить твою смерть. Когда ты поймешь и примешь это, придет осознание, что ты есть оружие, и его лезвие, что никогда не затупится, есть жертва.

Итак, он прицелился, отодвигая в сторону кусочки расколотой памяти, что пытались сцепиться друг с другом в его разуме.

— Зачем ты это делаешь? — крикнул Литэ. — Я никогда никому не рассказывал о наших встречах. Я всегда был верным, как и ты! Всегда, даже когда они делали со мной те ужасные вещи...

Матрос чуть подполз к ассасину, увидел пистолет и тут же замер, отказавшись от своего замысла.

— Ты... Ты сделал меня сильнее, господин Кель. Я знал, что если ты сумел продержаться здесь, внизу, все эти годы... То и я смогу сопротивляться им, и это было так тяжело...

Годы? Откровение ошеломило Эристида. Это какая-то ошибка, прошло всего несколько дней с того момента, как канонерка «Ультио» покинула Дагонет. Самое большее – несколько недель, но *годы?*

Ассасин покачал головой. Он запомнил бы, что прошло столько времени, серв наверняка лжет ему. Шепчущие голоса предупредили бы Келя о минувших годах.

Эристид обнажил зубы в зверином оскале.

— Ты *знаешь*, верно?

В залитых слезами глазах Литэ вновь мелькнула растерянность, и он покачал головой.

— Я знаю... То есть, я видел... что Гор жив...

— *Не то!* — рявкнул на него Кель. — Шёпоты рассказали мне о магистре войны! Я спрашиваю о другом, и ты это знаешь!

— Ш-шёпоты? — теперь матрос смотрел на ассасина, словно тот нес бред сумасшедшего. Неужели серв не видел? Неужели он не понимал?

Подойдя ближе, Эристид направил «Экзитус» во вздымающуюся грудь человечка, и Литэ поднял руки, выказывая покорность.

— Прошу, не делай этого! Я не понимаю, о чем речь, ты говоришь загадками! Сначала я думал, это из-за твоего сидения в одиночестве, но...

— Скажи мне, кто *это!* — потребовал Кель, не обращая внимания на страстные мольбы человечка и указывая резкими жестами в промозглый воздух ущелья. — Голоса всё время шепчут и не дают мне

спать, указывают, что я должен сделать с *тобой!*

Ассасин подтолкнул Литэ стволом пистолета, заставляя встать и выйти наружу, на мостик. Под ними пели канаты, по которым бесконечно носились в обоих направлениях сцепки контейнеров с охладителем.

Матрос поднял на Келя умоляющий взгляд.

— Ты слишком многое перенес, верно? Да, всё так, теперь я понял. Это место... — серв кивком показал на стену, — «Дух» сломал тебя.

— *Говори!* — Эристид кричал, не думая о том, что его может засечь какой-нибудь далекий слухо-сканер.
— Мне нужен тот, кто шепчет вокруг! Где он?

Ладонь ассасина, держащая пистолет, покрылась потом, и Кель впился в рукоять, сжимая её до побелевших костяшек пальцев.

— Я не знаю! — крикнул в ответ Литэ.

— *Говори, кто такой Самус!*

Эристид не помнил, откуда выскочило то имя, показавшееся чуждым на губах, словно вытолкнутое из горла ассасина *чем-то* неподвластным ему.

Но оно оказалось переломной точкой. Разъяренный Кель на мгновение потерял концентрацию, и его палец дрогнул на спусковом крючке. В тот же миг, как последнее слово соскользнуло с губ ассасина, «Экзитус» внезапно выстрелил, и живот Литэ превратился в рваную рану. Выброшенные из выходного отверстия на спине кровь, кости и содержимое кишечника матроса мокрым пятном расплзлись по палубе.

Кель не собирался убивать его - по крайней мере, не в тот момент. Но дело сделано, в точности, как предсказывали голоса.

Слабо вздохнув, Эристид подтянул труп и принялся орудовать ножом. Он нанес на туловище мертвеца единственное слово, делая глубокие и четкие разрезы.

ЛУПЕРКАЛЬ.

В качестве последнего росчерка Кель использовал золотистую аквилу, принадлежавшую его забытой сестре. Достав амулет и заметив, что тот потускнел, утратил глянец, а распахнутые крылья покрылись царапинами и сыпью коррозии, ассасин повесил оберег на тощую шею Литэ и подтащил тело к краю железного утёса.

Прошло некоторое время. Эристид ждал нужной сцепки, подходящего для его плана грузового вагона. Когда внизу забренчал искомый поезд с охладителями, Кель расчетливым движением сбросил труп с мостика. Тело Литэ приземлилось на головной вагон, распластавшись, будто сломанная кукла, и отправилось в путь, по направлению к далекой террасе. Довольно скоро мертвеца обнаружат.

Пролитие крови. Сейчас, оглядываясь в прошлое, ассасин находил это очевидным - такие законы теперь действовали на борту «*Мстительного духа*» и в рядах тех, кто отверг Императора. Вполне логично, что именно так и следовало создать приманку.

Кель вспомнил вымышленные истории, которые читал в детстве, затейливые сказки о том, что чудовищ можно призвать из их загробных владений лишь ритуальным пролитием жизненной влаги. *Жертва*, вспомнил он, *тоже была оружием*.

Затем ассасин вернулся в укрытие, на ходу убирая пистолет в кобуру. Оказавшись в своем тайном убежище, Эристид развернул старую ветошь и легонько подул на снайперскую винтовку, пробуждая оружие к жизни.

Единственный, последний заряд бесшумно скользнул в открытый казённик, и Кель приготовился ждать того, что *должно* было произойти.

Он ждал, и, наконец, шепчущие голоса вернулись.

Не испытывай жалости. Это разрушительная эмоция, мучительное и едкое чувство, способно растворить праведность и целеустремленность. Не жалея цель за пройденный путь, что привел её на линию твоего огня, неважно, насколько трагична или ошибочна эта стезя. Не жалея и себя за деяния, которые просят совершить во имя справедливости.

Это ослабит тебя, и, когда настанет час, заставит усомниться.

И вот, магистр войны оказался у него в прицеле.

Он стоял там. Он встанет там.

Казалось, что Кель просто моргнул, и это случилось – он внезапно возник в круглом окошке телескопического прицела, окруженный нимбом расчётных поправок на ветер, показаний дальномеров и метеорологических данных.

Сколько прошло времени, как долго пришлось ждать... Ничто уже не имело значения.

Гор Луперкаль, падший сын Императора, повелитель этого корабля. У Эристида не находилось слов, чтобы описать представшее перед ним титаническое создание, грандиозную личность, сама суть которой словно излучалась в пространство и касалась ассасина, проникая сквозь окуляр прицела и угрожая поглотить Келя.

Как такое возможно? На мгновение Эристид утратил волю, и, будь проклята его слабость, воистину усомнился – впервые за все те годы, что совершал убийства во имя круга Виндикар.

Впрочем, те времена казались весьма далекими, а то, что происходило здесь и сейчас – невероятно близким, реальным, и очень, очень ярким.

Гор стоял, изучая труп Литэ, низложенный к его ногам. Магистр войны, гигантское создание в человеческом облике, сотворенное из железа и брони, кивал, словно подобное зрелище не стало для него неожиданностью. Он рассматривал буквы своего почётного прозвания, вырезанные в мертвой плоти. Он держал кончиками большого и указательного пальцев латной перчатки маленькую золотую вещь.

Оружие Келя сообщило ему, что готово к выстрелу, прицел, пройдя пару последних делений по круговой

шкале, закончил наведение, и глаз магистра войны заполнил изображение. Эристид понимал, что винтовка трясется у него в руках, но стабилизаторы «Экзитуса» вносили необходимые поправки.

Кель сделал вдох и выдохнул лишь наполовину.

Гор повернулся и посмотрел прямо на него.

Воля ассасина рассыпалась прахом, и он бросился бежать – но лишь в мире собственных измученных мыслей. Здесь, в царстве плоти, Эристид завершил деяние благодаря одной только мышечной памяти, и, наконец, нажал на спусковой крючок.

Магистр войны с улыбкой поймал пулю в воздухе, аккуратно, словно бабочку, севшую ему на ладонь.

совершенный

преходящий

казнить

бессмертный

ясность

верный

раскол

покарать

жертва

жалость

истина

Шёпоты превратились в рёв – вопящий, бессловесный ураган, терзавший уши Келя, и ассасин вскочил на ноги, охваченный головокружением. Воздух сгустился, обрел вязкость, и Эристид двигался в нём, словно под водой, отталкиваемый призрачной силой и уплотняющимися потоками времени. Остатки плаща, теперь больше похожего на куколь, сорвались с плеч и унеслись в бездну за железным обрывом. Ассасин потерял винтовку – лёгкое оружие внезапно оказалось неподъемным грузом для его изрезанных рук и с лязгом упало на палубу. Металлические отзвуки падения вдруг стихли, вытесненные клубами дыма.

Грязно-янтарный свет озарил укрытие и мостик, временно ослепив Келя. Источник сияния притягивал взгляд ассасина, словно гравитация – к поверхности планеты.

Всё казалось *золотым* – куски металллолома, ржавое железо, – всё сверкало, отражая расширяющуюся пелену света. Слишком поздно Эристид осознал, что видел в отравленных снах не латунную террасу.

Это происходит здесь. Это всегда происходило здесь!

Нечто исполинское возникло за спиной Келя, свет угас, и ассасин обернулся, накрытый громадной

тенью.

Он стоял там. Он встанет там.

Величественное и пагубное создание, окутанное тьмой, но при этом блистательное и светоносное. Эристид смотрел в лицо, которое ни один скульптор не мог и надеяться передать со всей точностью – некогда красивое, но теперь окропленное жестокостью. С лязгом разжался гигантский коготь, и одно из алмазиевых лезвий поднялось, указывая острием на ассасина.

— Ты – Эристид Кель, — произнес Гор. — Ты должен быть мертв.

Магистр войны уронил себе под ноги пулю, выпущенную из винтовки.

— Зачем ты здесь, ассасин?

— Чтобы убить чудовище, — сумел выдавить Кель.

— Как и я, — прогремел магистр войны, и безрадостная тень мелькнула по его лицу. Луперкаль стоял в кольце легионеров, великолепных в броне, украшенной тайными рунами и ужасающими амулетами. Никто из них не двинулся, не доставал оружие. Воины расступились, чтобы их господин мог исполнить задуманное.

Гор шагнул вперед, походя раскалывая упавшую винтовку надвое тяжелым керамитовым сабатомом.

— Не ошибись на сей раз. Перед тобой я.

Ассасин сухо кивнул, вспомнив воина, убитого им на Дагонете. *Люк Седирэ, капитан 13-й роты Сынов Гора*. О, как сильно Эристид был уверен, что его цель – сам магистр войны, как он жаждал оборвать жизнь сына Императора и одним выстрелом покончить с восстанием, так же, как делал это на сотне других миров. Но эта война оказалась иного рода, а Кель выставил себя дураком, решив, что она не отличается от прочих.

Гор поманил его когтем.

— Сделай же это, смертный. Используй последний шанс покончить со мной, — примарх откинул голову, выставляя напоказ незащищенный участок горла. — Вот, я тебе подсоблю.

— Как... — Эристид с невероятным усилием выдавливал каждое слово. — Как ты узнал мое имя?

— Многие голоса шепчут мне, — улыбнулся полубог. — И я запоминаю имена всех, кто пытался остановить мое сердце. Это позволяет оставаться... скромным.

Ладонь Келя опустилась к бедру, коснулась рукояти висевшего там пистолета. Рефлекторное действие – ассасин понимал, что попытка довести деяние до конца окажется бесплодной. Вместе с тем, он не мог остановиться, словно превратился в актера на сцене, обязанного целиком исполнить свою роль в пьесе, которую не в силах был изменить.

— Я видел тебя, — с трудом произнес Эристид. — Когда яд был во мне... Я видел нечто...

Он потряс головой.

— Не понимаю, как...

— Этот корабль принадлежит мне, ассасин. Железом и костями, душой и телом, — Гор раскрыл

поднятый коготь. — Я знаю обо всем, что происходит здесь. «Дух» говорит со мной, и я вижу всеми его глазами.

Змеи. Кель вновь увидел их мысленным взором, ощутил жгучую боль укусов по всему телу и содрогнулся.

— Кровь призвала меня, — магистр войны слегка кивнул в сторону далекой террасы, где всё ещё лежал труп Литэ. — И я пришел к тебе, человечек — подумай, как редко случается такое. *Я* пришел к тебе. Теперь можно покончить со всем этим.

Эристид Кель медленно вытащил пистолет.

— Из-за тебя я потерял всё, что было дорого мне.

— Не так, — Гор чуть покачал головой, не обращая внимания на «Экзитус». — Не я направил тебя сюда. Не я заставил тебя рискнуть всем ради обреченной на провал миссии. Гибель Терры и моего отца неизбежны, Кель — ты понимаешь это, не так ли? Возможно, осознал только сейчас, в самом конце? *Он* отправил тебя, послал на смерть, и ради чего?

На мгновение показалось, что магистр войны действительно сочувствует столь бессмысленной растрате жизней.

Келю хотелось вопить от безысходности, в его груди внезапно вспыхнуло пламя чувств, пробужденных словами великого воина. Гор коснулся истины, погребенной глубоко в сердце Эристида, и тот, ошеломленный, сдерживал её, не позволяя вырваться наружу в крике. Но примарх, взглянув на ассасина, увидел правду — так, словно тело виндикара было прозрачным, как стекло.

— Сигиллит, этот ничтожный подлец на службе моего отца, направил твой карательный отряд, и ещё несколько после него. Ассасины — орудия слабых. Неужели ты такой же, как и он, Эристид Кель?

Потеряв самообладание, ассасин завопил, что было мочи. Используя последние крохи жизненной энергии, чтобы поднять пистолет, Кель нажимал и нажимал на спусковой крючок, посылая веер разрывных зарядов «Инфернус» в грудь магистра войны. Отвернувшись, Гор прикрыл лицо латной перчаткой, но не сделал ничего более.

Примарх выстоял под кратким, ревушим огненным вихрем, и, когда свирепое пламя угасло, на броне не осталось и мельчайшего следа от жарких поцелуев «Экзитуса».

Сердце Эристида упало в ожидании смерти.

Гор направился к нему, а воины полубога так и не шевельнули ни единым мускулом, чтобы отомстить за нападение на их сеньора. С поразительной мягкостью магистр войны забрал опустевшее оружие из руки Келя и склонился над ассасином.

— Теперь ты видишь?

— Вижу, — с усилием произнес Эристид, глотая слёзы. *Я сломлен*, сказал он себе. *Бесполезен и побеждён.* — Молю вас, господин, сделайте это быстро.

В своей просьбе Кель услышал эхо слов несчастного Литэ.

Но смертельного удара не последовало, и, подняв взгляд, Кель увидел, что Гор внимательно наблюдает

за ним.

— Знаешь, что ты такое? — спросил магистр войны. — Задумывался ли когда-нибудь, сколько нитей возможных будущих проходят сквозь тебя? Подумай, человек. Подумай, сколько судеб ты изменил своим оружием. Такие деяния обладают собственной силой.

Холодный металлический коготь коснулся груди Эристида.

— В этом и ином мирах ты обвит цепями событий, уделов, окружающих тебя. Миллионы жизней изменились вслед за попаданиями твоих смертоносных пуль. Таков оставленный тобою след, ассасин, хотя тебе и не суждено увидеть его.

Кель сморгнул слёзы.

— Чего... Чего вы хотите от меня?

Гор изучающе посмотрел на него.

— Скажи, чего *ты* хочешь.

Прежде Эристид мог бы сказать, что желает положить конец мучениям, пугающим вопросам о собственном безумии, избавиться от расколовшихся воспоминаний. Но теперь ассасин понимал, что спасения нет, что он *сломан*, и никто не соберет его обратно. Оставался лишь один способ найти покой.

— Хочу вновь обрести ясность, — Кель посмотрел на пистолет, кажущийся маленьким, почти игрушечным в руке Гора. — Стать оружием, холодным и точным, словно машина.

Произнесенные им слова принесли освобождение и огласили предательство.

— Я исполню просьбу, — ответил примарх и взглянул на отобранный «Экзитус». — Это тебе не понадобится, я прослежу, чтобы ты получил в награду нечто лучшее.

Легким движением запястья Гор выбросил пистолет и поманил Келя к себе.

— Дай мне руку, убийца.

Эристид протянул распоротую ладонь, и магистр войны принял её. Ледяное острие длинного когтя, опустившись, вырезало на покрытой шрамами коже символ, сочащийся исступленной болью. Медленно и мучительно Гор выводил тайный восьмиконечный знак, виденный ассасином на стенах «Мстительного духа». Кель чувствовал, как метка погружается в него, отдаваясь в теле, отражаясь в плоти и костях, воспроизводясь, словно вирус – Эристида *изменяли* способами, лежащими за гранью его понимания.

Жгучая, рвущая душу боль едва не остановила сердце, но затем милосердно схлынула. Ассасин тяжело дышал, глубоко и часто хватая воздух быстрыми, хриплыми вдохами.

— А теперь, — сказал Гор, выпуская его и делая шаг назад, — мы поглядим, на что способно это оружие.

Посмотрев на собственную руку, Кель увидел в ней нечто чужеродное и зловещее, нечто *греховное*.

Пистолет, созданный из стекла, крови и ненависти.

Если ты усомнишься, взгляни на свое оружие и узри слова, начертанные на нем. Знай их и знай, что

ты прав. Абсолютная истина никогда не изменится.

«Цель оправдывает средства».

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Прицел / _Gunsight_\(рассказ\)&oldid=20608](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Прицел / _Gunsight_(рассказ)&oldid=20608)

Эта страница в последний раз была отредактирована 29 июля 2022 в 10:19.